

Максим Евсеев

История из жизни одного театра

повесть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Евсеев

История из жизни одного театра

«Автор»

2018

Евсеев М. С.

История из жизни одного театра / М. С. Евсеев — «Автор», 2018

Каждый, хоть раз, бывал в театре, но мало кому удавалось заглянуть за кулисы. Впрочем, в этой истории читатель сможет не только прогуляться по театру, но и взглянуть на его жизнь с непривычного угла. Многое может показаться абсурдным, смешным или даже печальным, но в этом рассказе нет ни правых ни виноватых, все это плод моей фантазии, основанной на многолетнем опыте. Я не ставил себе задачи посмеяться над моими героями, а лишь предлагаю вам увидеть театр таким, каким иногда его вижу я. Содержит нецензурную брань.

© Евсеев М. С., 2018

© Автор, 2018

История из жизни одного театра

Глава первая

Не надеясь на публикацию этой пьесы, но желая дать жизнь моим героям, я закрываю задуманный, но не реализованный драматургический опыт и переношу моих любимых персонажей на страницы рассказа. Если же прежняя, так и не начатая задумка будет прорываться сквозь границы жанра бесконечными диалогами, то прошу драгоценного читателя не прерывать знакомства с моей историей, а просто выбросить её из головы и никогда к ней более не возвращаться.

Я хотел бы начать повествование словами "Это было давным-давно..." Но беда моя, как рассказчика в том, что я и сам не знаю, было ли это на самом деле или может быть эта история продолжается до сих пор и не закончится, пока существуют на свете актёры, пока рождаются для их надежды и разочарования режиссеры и пока глупые люди, вроде вашего покорного слуги, по-прежнему мнят себя писателями и драматургами.

Итак, я приступаю и прошу вашего внимания, мои благородные современники и вашего, мои вырождающиеся потомки. Но в этом, несомненно, нет вашей вины, ибо ваше вырождение происходит также благодаря моим героям.

Перед старинным необжитым зданием маленького провинциального города, который являлся также столицей небольшой области, стоял пожилой человек в опрятном и некогда не лишённым изысканности черном плаще. Когда-то этот плащ был куплен Иваном Яковлевичем в туристической поездке в Венгрию, и до сих пор он старался надевать его только в особых случаях: на праздники, на похороны или если ему выпадало идти в театр. Но поскольку мой первый герой в этом самом театре служил, то из некогда парадной части гардероба плащ превратился в его повседневное облачение, и заменял ему и верхнюю одежду для особых случаев, и домашний халат. Ибо в центральном областном театре города Лужска он чувствовал себя, как дома. А раз он там себя чувствовал именно так, то и большую часть своего времени он из дома старался без лишней необходимости не выходить. Супруга его к этому давно привыкла и могла бы даже завести себе нового мужа или хотя бы любовника, но была она столь почтенного возраста, что не дожидавшись его возвращения, однажды скончалась. На её похоронах Иван Яковлевич был в этом самом плаще. И в этом же плаще он стоял перед центральным входом в театр, ожидая прибытия важного гостя.

Над Лужском уже несколько дней собирались серые весенние тучи, но дождь всё никак не шёл, и Иван Яковлевич беспокойно поглядывал наверх.

– Вот ведь поганый месяц. – ворчал он. – Непременно надо тянуть с дождём до самого приезда этого столичного демиурга, чтобы и меня с ним заодно накрыть. Помешал я тебе чем-то? – продолжал ругаться Иван Яковлевич. – Или ты мне, братец апрель, новый плащ купишь? Куда тебе! Ты только водой поливать умеешь. А вот чтобы доброе что-то сделать – это нет. Ты ведь не дороги польёшь, не сугробы. Ты меня, старого работника культуры, мокрым хочешь сделать. Звал тебя кто? Или ты думаешь, что мне март надоел? Тоже тот ещё мудозвон весенний, но и ты ничуть не лучше. Какая же мне тогда разница? В марте холодно, но пальто у меня ещё ничего и вполне в нём ходить можно. От снега его только отряхнуть и все дела. А от дождя твоего, фиг отряхнёшься.

Понять Ивана Яковлевича, на первый взгляд, кажется, сложно. Но если вдуматься, то вполне просто. Будучи человеком небогатым и всецело завися от театрального жалования, он был вынужденно скуповат, и покупка новой одежды беспокоила его ничуть не меньше покупки лекарств. Поэтому он ни того, ни другого старался не делать. Вместо этого он предпочитал проклинать обстоятельства и начальство, но возможно именно эта привычка и хранила его от всякого рода простуд.

К зданию подъехала жёлтая волга с шашечками на дверях, которая изо всех сил тщила напоминать старое советское такси. Постояв немного, оно проехало ещё метров двадцать и встало рядом с огромной невысыхающей лужей.

– Нет, мне не надо сюда. – доносился из такси молодой мужской голос. – Я же просил у театра остановиться!

Что отвечал ему водитель Иван Яковлевич слышать не мог, но по лицу его блуждала загадочная улыбка. Казалось, что ещё чуть-чуть и он начнёт потирать руки, а может даже смеяться самым злодейским смехом, настолько устрашающе выглядела эта самая улыбка. Но ничего подобного старый работник культуры делать, конечно, не стал, а только сделал гримасу ещё шире и попытался придать ей приветливый и даже радушный вид.

– Сюда. – закричал он вышедшему из машины, молодому человеку в очках. – Валерий Владимирович, я здесь!

Он даже замахал приехавшему на такси молодому человеку рукой, показывая, как сильно он его ждёт. Тот, в этот самый момент, доставал из машины два здоровенных чемодана и, заметив, что ему машут и называют по имени и отчеству, попытался улыбнуться в ответ. Но и у приехавшего, улыбка была не менее фальшива. Если бы они только могли бы друг друга разглядеть получше, то наверное бы устыдились такой лицемерной встречи или хотя бы задумались о том, что не должны настолько сильно расходиться чувства и их проявления у людей, которые считали служение Мельпомене своим ремеслом. Их бы, может быть, даже ужаснуло полное отсутствие органики, которой были переполнены два работника театра. Но ни тот, ни другой видеть мерзости этой встречи не могли, ибо находились друг от друга на довольно большом расстоянии и каждый считал, что именно он дурачит своего партнёра, и получается это у него вполне прилично.

Когда молодой человек, которого Иван Яковлевич называл за глаза демиургом, а приветствовал Валерием Владимировичем, наконец подошел, с трудом волоча за собой два здоровых чемодана, то улыбка у старого работника культуры вдруг совершенно исчезла с лица и взгляд стал деловит и даже отстранен. Он, казалось бы, совсем не ждал гостей, а оказался перед старым театральным зданием в классическом стиле совершенно случайно.

– Здравствуйте! – поздоровался Валерий Владимирович, как только подошел на совсем близкое расстояние и смог перевести дух.

Он сказал только одно лишь здравствуйте, предполагая, что все остальные, нужные и не очень, слова скажет его визави. Но тот продолжал равнодушно молчать и даже смотреть в сторону молодого человека перестал, сосредоточив своё внимание на сером апрельском небе.

Ситуация складывалась для столичного гостя совсем неловкая, ибо он только что торопился к странному человеку, который назвал его по имени и отчеству, задышался под тяжестью своих чемоданов, а теперь выходило, что его никто и не ждёт.

– Здравствуйте, говорю. – повторил он своё приветствие.

Вышло немного грубовато, как если бы он полагал, что тот с кем он уже поздоровался глуховат и не расслышал с первого раза. Но Иван Яковлевич на слух не жаловался. Он жаловался на слабое сердце, на маленькую зарплату, на неблагодарных актеров, но не на слух. Без этого, важнейшего для его работы в театре, органа чувств, он был бы профессиональным калеккой. В том смысле, что для его профессии, слух был гораздо важнее, чем зрение, обоняние и всё остальное, данное ему от рождения природой. Нет, он прекрасно слышал! И всякий работник театра об этом хорошо знал. А если какой-нибудь новичок, из только что пришедших, и не знал этого, то ему быстро на этот факт открывали глаза.

Итак, Иван Яковлевич поднял удивлённо глаза на молодого человека и строгим, полным холодного отчуждения голоса, произнёс:

– Что простите?

– Блин. – сказал тот кого мы уже знаем, как Валерия Владимировича, самым раздраженным голосом. – Я говорю, здравствуйте. Вы из театра?

– Да. – ответил с достоинством Иван Яковлевич.

После этого повисла очередная пауза, во время которой пожилой человек в чёрном плаще сохранил вид строгий и невозмутимый, а молодой человек в очках и сбившейся на бок модной шапочке, совсем растерялся и даже, кажется, начал выходить из себя.

Наконец он, кажется, нашел выход из ситуации и начал терпеливо представляться.

– Я Валерий Хлебородов, режиссер. Приехал по приглашению вашего театра, ставить у вас спектакль. Меня должны были встретить на вокзале, но я так и не дождался никого из работников театра и взял такси. Я ещё с вокзала звонил вашему заведующему труппой, и он просил приехать сразу сюда.

– Здравствуйте! – всплеснул вдруг руками Иван Яковлевич. – Это вы со мной разговаривали! А я вас уже час жду. Уже звонить хотел на вокзал, думал мало ли что с вам случилось.

Последние, между нами говоря, было абсолютной правдой. Заведующий труппой, на самом деле приехал к зданию театра, час назад. В таких вопросах он был невероятно щепетилён, и хотя час назад молодой режиссер быть на этом месте никак не мог, и Иван Яковлевич об этом прекрасно знал, но тем не менее, он всё-таки появился на этом месте именно час назад.

– Вы совсем молодой человек. – продолжал старый работник культуры. – Я -то, грешным делом, представлял себе ...

И Иван Яковлевич стал расписывать, каким именно он представлял себе столичного режиссера, который посетил их скромный городок. И делал он это надо сказать весьма подробно и долго, пока наконец у молодого человека полностью не истощилось терпение и тот не выдержав, предложил пойти наконец в театр. И даже для убедительности махнул рукой в сторону главного входа. Жест этот заведующий труппой понял, надо заметить, абсолютно правильно и бросился к чемоданам молодого режиссера.

– Конечно-конечно, – затараторил он, примеряясь к ручкам обеих чемоданов, видимо, собираясь их поднять. – Действительно, не станем терять времени. Поболтать мы всегда успеем, а дело прежде всего.

Но, то ли навыка обращения с чемоданами Иван Яковлевич за долгую жизнь в театре так и не приобрёл, то ли марка чемоданов была у московского гостя какая-то особенная, но за ручки он так и не взялся, а только лишь промахнулся мимо них несколько раз. Он бы, конечно, своих попыток не оставил, но и режиссер был не совсем чтобы уж дурной, и предпочёл поднять их самостоятельно.

– Показывайте куда идти. – сказал молодой человек и направился к центральному входу.

– Нет-нет! – остановил его заведующий труппой. – Не работает, к сожалению. Надо обойти.

И повел гостя в обход театра, рассказывая по дороге историю здания. Начиная с недавнего времени и всё больше углубляясь к моменту его постройки и основания.

– Построен театр в тысяча девятьсот тридцать пятом году. – начал он свой рассказ с заученными интонациями, но неподдельным, надо сказать, энтузиазмом. – Здесь в своё время побывали и Дикий, и Бабочкин и даже сам Щепкин. Так говорят. Правда последний умер за семьдесят лет до открытия, но всё, знаете ли, может быть. Я не историк и не берусь спорить. Здание построено по проекту великого Жолтовского. Под его, так сказать, руководством, или даже Щусева, или кого-то из его учеников. Сразу после мавзолея. Стиль правда для него не характерный, чистая классика, так что скорее Жолтовский. Или кто-то из его учеников.

К этому моменту они уже обошли уже здание театра и вновь оказались перед центральным входом.

– Сейчас, к сожалению, здание на реконструкции, и мы вынуждены играть и репетировать в ДК Мир. Далековато-то конечно. – сказал Иван Яковлевич сокрушённо. – Зря вы такси

отпустили. Теперь придётся долго ждать пока какой частник проедет. – он беспомощно оглянулся по сторонам. – Может пешочком? – предложил он простодушно. – Или вы в столице уже отвыкли пешком-то?

Нельзя сказать, что молодой столичный режиссер Валерий Владимирович был растерян всем происходящим. Но можно было бы, наверное, отметить, что он был в состоянии совершеннейшего недоумения и очень раздражен этим бессмысленным путешествием вокруг закрытого здания театра, в котором, как оказалось не было никакого смысла. Он был даже в некотором ступоре от предложения идти несколько километров пешком с двумя тяжёлыми чемоданами. Тем более, что долго собиравшийся дождь наконец проявил себя первыми каплями, что заставило Ивана Яковлевича занервничать, и он уже не спрашивал, хочет ли гость идти своим ходом, а просто устремился по улице, призывая тем самым следовать за ним.

– Вы, наверное, часто за границу ездите? – спрашивал заведующий труппой молодого человека, пока тот пытался следовать за своим провожатым с заданной тем скоростью. – А я вот однажды побывал в Будапеште...

И всю оставшуюся дорогу Иван Яковлевич жаловался на нынешнее тяжёлое время, в котором люди уже разучились шить хорошие и недорогие плащи.

Оказались наши герои в здании ДК Мир, через каких-нибудь тридцать пять минут, здорово промокшие и усталые. Ещё пять минут, заведующий труппой рассказывал охраннику, что встречать заезжих гастролёров в его обязанности никак не входит и что он непременно поставит этот вопрос перед руководством театра. И только когда они начали подниматься по лестнице на второй этаж, туда где их должно было это руководство ожидать, он вспомнил, что тащить с собой чемоданы в кабинет главного режиссера, нет совершенно никакой необходимости. А напротив, стоило бы их оставить здесь прямо в каморке охранника.

– Володенька, – кричал Иван Яковлевич. – Придется потерпеть! Я тебя прекрасно понимаю, но у нас форс-мажор. Если хочешь выкинь эти несчастные чемоданы, но молодой человек, возможно, наш новый режиссер. – он все более распалялся, хотя охранник Володенька, не успел сказать ни одного слова возражения, против того, чтобы два чемодана постояли у него в небольшой комнатке. – Или сам пойдешь к Веронике Витальевне и объясни, почему Руслан не поехал на вокзал. Я делаю, что могу, но не в силах таскаться с этими баулами с Взлётной до Космоса. Я, например, даже в Будапешт с одной сумкой поехал. Ну, ты помнишь какие были времена. Но теперь у всех другие приоритеты. – продолжал разоряться старый работник культуры. Хотя охраннику было около двадцати лет и помнить те времена, когда Иван Яковлевич покупал себе в социалистической Венгрии плащ, он, конечно, не мог. – Алексеев с Андреевым на гастроли любовниц возят, не то что чемоданы. Короче, делай, что хочешь, а мы пойдём к Генриху Робертовичу. Пусть он, в конце концов решает, что делать. У главного режиссера, видимо других дел нету, раз на него сваливают ещё и чемоданы. В театре сотня бездельников и никто не может ничего сделать. Я, пожилой человек, должен работать носильщиком.

Охранник успел, видимо, привыкнуть к монологам заведующего труппой и выслушал все это стоически ни разу не возразив и не согласившись ни с одним из выдвинутых тезисов, то есть ничем не напомнил о наличие у себя воли или какой-нибудь позиции по данному вопросу. А вот, только сегодня приехавший, молодой режиссер менял выражения своего лица используя всю данную ему Богом, мимическую палитру. От недоумения, до полного непонимания, через смущение и гнев.

– Всё нормально, – обратился к нему Иван Яковлевич. – Не волнуйтесь. У нас охрана только с виду строгая, но с Володей всегда можно договориться. Если вдруг решите, что-то у него в вахтёрской оставить, зовите меня. Я постараюсь уладить. А вот второй охранник, Евгений Николаевич – ужасно тяжёлый человек. Ну, сами увидите. Пойдёмте. А то ведь мы, с вашими чемоданами, здорово задержались. Пойдёмте, вы хоть и столичная знаменитость, но у нас, знаете ли, свои правила: наше начальство, по старинке, не любит, когда опаздывают.

Пойдёмте же! Вы какой-то замороженный. Вам супруга, в поезд, может хоть курочку отварила или вы голодный?

И заведующий труппой, потащил Валерия Владимировича на второй этаж к художественному руководителю театра.

Глава вторая

– Не волнуйтесь, голубчик, вы за свои чемоданы, никуда они не денутся. Ну, хотите, я сам их сюда принесу?

Главный режиссер Лужского драматического театра им. Лермонтова был, несмотря на свои семьдесят лет, элегантен, бодр и прекрасен собой. Во всяком случае, так ему говорили все сотрудники театра, а он своим сотрудникам в этом вопросе доверял. И напротив, он становился подозрителен и недоверчив, если актеры, вдруг, вдруг заболели во время выпуска премьеры, если неотложные семейные дела требовали их присутствия в другом городе в часы репетиции, или у них ломались мобильные телефоны в день замены, когда заведующий труппы пытался собрать участников спектакля, не заявленного в афише. И бедный Иван Яковлевич приходил к нему в кабинет и заявлял, что играть Чайку, вместо Пяти вечеров нельзя, так как телефоны почти всех исполнителей выключены или находятся вне зоны действия сети, а значит придётся возвращать деньги за билеты. Слухи в театре разлетались молниеносно и телефоны тех, кто рассчитывал в этот день заняться другими, не связанными со службой в театре делами, почему-то выходили из строя. Формально, наказывать за это актёров было нельзя, но упрямый червь недоверия, грыз доброе сердце руководителя театра: "Ох, неспроста вышла из строя, мудрёная электроника, именно в тот момент, когда становилось ясно, что выходной день сотрудников отменяется и им надо бросать свои подработки, встречи и застолья и ехать играть спектакль" – с ненавистью думал он в такие дни. Он задавал каверзные вопросы, грозил выговорами и увольнениями, но актёры стояли на своем: "Сломался, села батарея, украли телефон." – говорили они и смотрели на него честными готовыми излиться солёной влагой, глазами.

Во остальном же, к своим сотрудникам, Генрих Робертович, относился как к родным детям: наказывал, бранил, но заботился, чтобы они были накормлены без излишеств, одеты прилично и скромно, и даже селил бездомных под строгим присмотром вахтёра театрального общежития. И с приехавшим из столицы молодым режиссером, он разговаривал тоном отеческим и понимающим.

– Что же у вас в этих чемоданах, раз Иван Яковлевич был готов звонить в департамент культуры, и требовать, чтобы к ним приставили инкассатора?

До этого момента молодой режиссер был уверен, что содержимое его чемоданов является его личным делом и никого более касаться не должно. Но пытался выразить он свою мысль так витиевато, что в результате подробно расписал их содержимое.

– Да ничего там нет! – начал он развивать свою мысль.

– Совсем ничего? – удивился Генрих Робертович. – Зачем же они вам тогда? Да ещё и такие тяжелые?

– Они не тяжёлые. Там компьютер, книги, какие-то вещи... – он сбился, вспомнив, что рассказывать о содержимом своих чемоданов не собирался. – Меня обещали встретить на станции, но у вагона никого не было. Может мы просто разминулись – там толпа народу. Просто я подумал, чтобы домой не ездить, лишний раз, надо взять самое необходимое. А сейчас ещё погода меняется, поэтому пришлось и зимние вещи с собой взять и летние. Вот и получилось, что когда собирался, весь гардероб упаковал: и кроссовки, и сандалии, и футболки и свитера. Плюс, я распечатал несколько экземпляров пьесы, на первое время.

Молодой режиссер ещё долго рассказывал, что он взял с собой из дома, и пытался намекнуть, что не выполнить своё обещание и не встретить его на машине, со стороны театра – это

поступок крайне неблагоприятный, и в то же время показать, что к таким мелочам он и относится легко и готов забыть об этом инциденте. Он хотел вложить в свое объяснение тот факт, что со своими чемоданами он разберётся сам и в то же время подчеркнуть, что их содержимое не пустая его прихоть, но взято с собой исключительно для оптимизации репетиционного процесса. Художественный руководитель театра слушал его внимательно и ни разу не перебив.

– Скажите, – заговорил он наконец, когда монолог Валерия Владимировича, стал перемежаться длинными беспомощными паузами. – Театр может вам чем-то помочь?

– Ну, я бы хотел познакомиться с актёрами. – ответил молодой человек, после трёхсекундной паузы.

– Конечно! Но я имел в виду в бытовом плане. Вам временно снят номер в гостинице Космос. Она, разумеется, не такая роскошная, как в столице, но это только на первые дни, пока приготовят вашу комнату в общежитие. Или наш директор, Вероника Витальевна предлагает вам для проживания свою квартиру. Можете пожить у неё. Её супруг в городе не последний человек и жилищные условия соответственные. Вы пока подумайте. А пока я хотел бы обсудить с вами будущий спектакль. И, в связи с этим, у меня вот какой вопрос: что именно вы собираетесь ставить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.